

А. А. Субботин

Homo Sapiens Socialis

Рецензия на книгу: Буайе П. 2019. *Анатомия человеческих сообществ. Как сознание определяет наше бытие*. М.: Альпина нон-фикшн. 436 с.

СУББОТИН Александр Алексеевич —

аспирант кафедры демографии Высшей школы современных социальных наук (факультет) МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия); гостевой исследователь Лаборатории цифровой и вычислительной демографии Института демографических исследований Макса Планка (Росток, Германия). Адрес: Россия, 119234, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13А.

Email: aasubbotin@yahoo.com

Ното sapiens представляет собой наибольшую загадку науки. Главное свойство этого биологического вида — разум, но каковы законы сознания и как их незнание мешает развитию представлений о различных сферах функционирования общества? На эти и другие актуальные вопросы когнитивистики пытается ответить в книге «Анатомия человеческих сообществ. Как сознание определяет наше бытие» профессор Университета Вашингтона в Сент-Луисе Паскаль Буайе. Издание рецензируется для того, чтобы потенциальный читатель смог понять, насколько автор убедителен в решении поставленных им самим задач — проблем новой науки, основы которой он намерен заложить. Таковых проблем франко-американский эволюционный психолог насчитывает шесть: «Что лежит в основе межгрупповых конфликтов?», «Зачем нужна информация?», «Почему существуют религии?», «Что такое естественная семья?», «Как может общество быть справедливым?», «Может ли наш разум постичь общество?». Отвечая на данные вопросы, Буайе оперирует множеством фактов из различных как естественно-научных, так и гуманитарных дисциплин. Учёный стремится показать и опровергнуть предрассудки многих господствующих концепций; например, снять традиционную для науки последних столетий оппозицию между природой и культурой. Антрополог приводит множество увлекательных данных, в том числе из личного полевого опыта, и делает это простым языком. Однако в итоге большая часть гипотез объясняется эволюцией человека и необходимостью групп одновременно консолидироваться внутри себя и противостоять другим сообществам. Книга может быть полезна всем, кто интересуется антропологией и устройством общества, а также законами мышления.

Ключевые слова: коалиции; эволюция; религия; семья; этнография; антропология; нации; группы; сотрудничество; рынок; Homo sapiens.

Введение: мотивация авторского подхода

Книга одного из самых читаемых социологов современности Паскаля Буайе «Анатомия человеческих сообществ. Как сознание определяет наше бытие» рассматривает мышление и социальную активность *Homo sapiens* через призму особенностей эволюции этого вида. Автор книги, франко-американский социальный и культурный антрополог, профессор Университета Вашингтона в Сент-Луисе является также одним из видных представителей когнитивного религиоведения. Его предыдущая книга «Объясняя религию: Природа религиозного мышления» (2002) (рус. пер. 2016) рас-

сказывала о причинах появления у *Homo sapiens* убеждений в существовании сверхъестественного и вызвала обсуждение специалистов в соответствующих сферах. В рецензии на книгу П. Буайе отечественный учёный, кандидат исторических наук, преподаватель истории Русской православной церкви в Казанской духовной семинарии А. А. Хохлов изначально признаёт одновременно неоднозначность и актуальность издания. Главной положительной стороной книги он признаёт полевым научный опыт Буайе [Хохлов 2018: 251], а также разделение религии и веры. Однако оценка религии как побочного продукта работы мозга вызывает у рецензента критику, потому что, доказывая эту концепцию, франко-американский антрополог обращается к теории мемов¹ Ричарда Докинза, а не к нейронной основе деятельности сознания [Хохлов 2018: 253]. Пол Гриффитс иронизирует над заглавием труда Буайе, отмечая, что определить сущность сверхъестественного пытались Цицерон, Дэвид Юм, Карл Маркс и Зигмунд Фрейд, причём каждый из них полагал свою концепцию итоговой [Griffiths 2002]. Отмечает он и то, что, согласно франко-американскому социологу, люди достаточно часто используют религию как сделку с потусторонним миром: они молятся «стратегическим агентам полного доступа»², а не всем сущностям подряд [Griffiths 2002].

В новой книге Буайе спектр рассматриваемых проблем стал много шире: «Возможны ли иные проблемы семьи?», «Что лежит в основе межгрупповых конфликтов?», «Зачем нужна информация?», «Почему существуют религии?», «Как может общество быть справедливым?», «Может ли наш разум постичь общество?». Автор не отвечает на поставленные им вопросы строго последовательно; скорее, он попеременно возвращается к ним, затрагивая новые факты на те же темы. Однако именно представлениям о сверхъестественном, несмотря на то что они относятся к сфере основных и первичных его интересов, внимания в издании уделено не так уж и много. Возможно, потому что религия — не самое распространённое (хотя и не самое редкое) социальное явление (кроме того, у автора существует книга, посвящённая религии), а франко-американского учёного интересуют в первую очередь общие законы коллективного поведения. «Анатомия человеческих сообществ...» состоит из предисловия, разбитых на ряд разделов введения, заключения и основной части — «Шесть проблем новой науки». В книге рассматривается довольно длительный период истории человека — от начала эволюции (обращение к развитию анатомии) и до наших дней. Иногда Буайе пытается спрогнозировать будущее, но к его чести стоит заметить, что слишком далеко он всё же не заходит, ограничиваясь именно вероятностными изменениями общества, а не *Homo sapiens* как биологического вида (что предсказать вряд ли возможно).

К религии Буайе относится скептически, что неудивительно, поскольку изучал он данное явление как этнограф. Свои исследования он проводил в Камеруне среди племён, находящихся на более ранней ступени развития по сравнению с западными цивилизациями. Среди верований в таких племенах преобладает практическое поведение в виде жертвоприношений, почитания предков, заклинаний по вызову или прекращению дождя, с каковыми «не связано никакое учение, никакой устойчивый набор представлений, с которыми последователи этих практик согласны и готовы их объяснить» (с. 192)³. Шаман здесь не жрец и не священник, а своего рода наёмный работник. Он выступает в роли исполнителя услуг, обязанного иметь специфические способности, как, например, умение диагностировать — у врача, но эти способности не развиваются в процессе, они либо даны от природы и связаны с принадлежностью к определённому клану, либо получены раз и навсегда вследствие инициации. Если же шаман не справляется с работой, то вождь или совет племени могут спокойно нанять другого

¹ Согласно теории Р. Докинза, мемы представляют собой единицу значимой информации — идею, передаваемую от человека к человеку; иногда английское слово *meme* транслитерируется как «мим», поскольку понятие происходит от греческого корня со значением «подражание»; см. подробнее в книге Р. Докинза «Эгоистичный ген» [Dawkins 1976; Докинз 2013].

² Стратегические агенты полного доступа (*full-access strategic agents*) имеют доступ ко всей информации, относящейся к определенному положению дел, и могут каким-либо образом вмешиваться в ситуацию и влиять на неё [Griffiths 2002].

³ Нумерация страниц приводится по pdf-версии книги и может отличаться от печатной версии. — *Примеч. авт.*

«специалиста», не испытывая никаких угрызений совести перед неким культом как системой или перед божеством. Первобытные и соответствующие им по обрядовому и смысловому составу верования объяснены, таким образом, у Буайе достаточно профессионально и подробно. Мало того, в ходе разговора о них учёный не выводит, но констатирует один из основных законов человеческого мышления, который был известен ещё Канту: «Воображение не творит из ничего, *ex nihilo*, а перетасовывает уже существующие идеи» (с. 185–186).

От полевой работы происходит и интересное для читателя обращение к образу пришельца-антрополога — возможно, именно так примитивные цивилизации воспринимают самих европейцев. Но Буайе распространяет приём на все сферы активности *Homo sapiens*, которые переосмысляет, что напоминает гуманитарии отстранение — одну из теорий В. Б. Шкловского⁴. Более того, у Буайе этот метод представляет собой одну из основ рассуждения: учёный призывает «видеть странное в привычном» (с. 26). Следует заметить, что ни на Шкловского, ни на рассматриваемого им Л. Н. Толстого автор книги никоим образом не ссылается, но этот факт не позволяет сделать вывод ни о незнании предмета, ни о намеренном умолчании. Зато Буайе опирается в своих социологических рассуждениях, о чём прямо упоминает, на психологию и теорию эволюции (с. 15).

Эти теоретические основы важны для Буайе потому, что не являются чисто идейными конструкциями, а основаны на эмпирических данных, в том числе о работе человеческого мозга. Можно сказать, что Буайе стремится к целостному взгляду, объединяющему теорию и практику познания. Антрополог опирается на Ибн Халдуна (арабский социальный философ XIV в., исследовавший в том числе феномен коллектива), Шарля Луи Монтескье, Алексиса де Токвиля, Адама Смита, Макса Вебера. Все эти предшественники современной социологии апеллировали к естественным причинам развития общества, избегая объяснений реальных фактов эзотерическими и метафизическими предпосылками. Использует автор рецензируемой книги и труды современных специалистов по вопросам эволюции — таких, как Роб Бойд, Питер Ричерсон и Ричард Докинз. Это соотносится с тем, что важнейший массив эмпирических данных Буайе (особенно относительно религии) составляют также личные наблюдения во время экспедиций в общества, находящиеся на более низкой ступени развития, чем современная западная цивилизация. Можно даже назвать общий подход учёного к комплексу рассматриваемых им проблем прагматическим, поскольку всё — и работа мозга, и верования — интересует его по степени полезности для эволюции.

Почему люди такие, какие есть

Однако, когда речь заходит о религиозных представлениях более философского плана, Буайе попросту занимается пересказом теорий предшествующих исследователей. А именно, сообщив, что религии духовного формата возникают в процветающих обществах (с. 209–215) как попытка высокомерного крена от гедонизма в сторону аскетизма, Буайе всего лишь развенчивает ряд мелких мифов об особенностях этой социальной сферы. Любую попытку ответа на заданный им самим же вопрос: «Почему существуют религии?» — франко-американский антрополог полагает ненаучной, сравнивая практическую пользу религии для эволюции и социума со спортом: то и другое — формы групповой активности и часто соперничества (с. 229–230). Бесспорно, Буайе приводит варианты грядущего бытования религии в современном информационном обществе, а именно путь индифферентности, духовность и создание коалиций (с. 232–235). Первый из этих вариантов уже обсуждался, поскольку были высказаны замечания относительно не необходимости религии для развития общества и (или) индивидуальной морали. Второй выражается в непринадлежности к конкретному строению культуры: вместо него —

⁴ Термином «отстранение» В. Б. Шкловский называл описание явления как впервые увиденного, например: «Л. Толстой, описывая спектакль с точки зрения посетителя, впервые видящего сцену, говорит так: “На сцене были ровные доски посредине, с боков стояли крашенные картины, изображавшие деревья, позади было протянуто полотно...”» [Квятковский 1966: 188–189]. Орфография обусловлена, возможно, случайной опечаткой.

изучение различных метафизических практик для создания личных синтетических представлений о сверхъестественных силах и способах коммуникации с ними. В этом видится некий возврат на уровень шаманизма, но более интеллектуального и личностно ориентированного плана. Третий вариант заключается в том, что религия может служить средством консолидации обществ — не всегда позитивным и гуманным, но достаточно эффективным.

Больше внимания, чем религии, в книге уделено семье, ведь она, как известно, ячейка общества, или, согласно Буайе, вариант коалиции. Антрополог просвещает читателя, объясняя, что общепринятое в европейской цивилизации понимание семьи не является распространённым: многие племена и культуры понимают родственные связи и наследование иначе. Где-то допустимо не только многожёнство, но и многомужество (там, где мало женщин и (или) требуется много труда для обработки земли, как в Тибете). Не везде существует и брак в том виде, в котором его заключают в наши дни в большинстве государств. Цель Буайе, приводящего такие обширные сведения, показать, что же есть общего среди столь несвязанной гетерогенности. Для учёного важно, как это общее демонстрирует возникшие в ходе эволюции отличия *Homo sapiens* от других биологических видов, и какова роль этих новшеств.

Главное отличие человека от прочих млекопитающих в том, что другим видам никакие некровные родственники не известны (с. 256). Кроме того, у людей существуют и прародители — предки, утратившие фертильность, однако способные помочь молодым в воспитании детей (с. 254). Подчинённое положение женщин в обществе Буайе объясняет тоже эволюцией человека, то есть физиологической невозможностью сочетать прямохождение и большой объём головы плода, поэтому младенцы рождаются не готовыми к отдельной жизни и нуждаются в постоянном присутствии матери. Именно поэтому она не может (1) заниматься добычей пищи и тем более (2) обороной наравне с мужчиной (разумеется, как и из всех правил, возможны индивидуальные исключения), но из этих двух традиционных гендерных ограничений, по мнению исследователя, важнее второе. Упрощая множество рассуждений Буайе, можно резюмировать, что он считает главной функцией мужчины в союзе защиту женщины от других мужчин (с. 266). Но большая часть полового отбора происходит бессознательно, и это невозможно проследить быстро — эволюции требуются миллионы лет. Однако даже на животных, разводимых с конкурсной целью, визуальные отличия, возникнувшем в ходе отбора, то есть изменение фенотипа, можно проследить всего за несколько поколений, но в рамках эволюции эти подвижки незначительны и ничтожно связаны. Причина здесь и та, что человек относится к видам, живущим долго и усердно заботящимся об относительно небольшом потомстве, то есть следующим «медленным», или К-стратегиям выживания. Многие виды — как правило, менее развитых существ — придерживаются противоположной г-стратегии⁵, то есть быстро размножаются и не слишком заботятся о многочисленном потомстве. Распространяя стратегию неуверенности на другие условия жизни (допустим, на состояние здравоохранения и продолжительность жизни), можно сделать не слишком утешительное предположение, что более высокая рождаемость в развивающихся странах и низкая в развитых — и, вообще, весь второй демографический переход — могут быть связаны с неосознанной сменой стратегий.

Но Буайе исследует семью не только в аспектах деторождения и воспитания потомства. Его эволюционный подход показывает брак и складывающиеся вследствие его новые отношения между группами родственников как пример создания коалиции. Отсюда необходимость публичного заключения брака, то есть свадьбы, как вида коммуникации, сообщающего третьим лицам, что жених и невеста больше не могут считаться потенциальными партнёрами, но получают друг на друга взаимные права, которыми не обладают другие члены группы, и готовы выполнять взятые на себя обязательства в соответствии с местными обычаями (с. 284–285).

⁵ «Поскольку репродуктивный потенциал в логистическом уравнении является переменной, для его обозначения используется строчная буква <...> Ёмкость среды в логистическом уравнении является постоянной, для его обозначения используется заглавная буква» [Шабанов et al. 2014: 115–124].

Коалиция — второй опорный пункт Буайе наряду с эволюцией, поэтому он к ней постоянно возвращается, обозначая этим понятием любую группу лиц вне зависимости от её размера — от минимальной «ячейки общества» из двух человек (и стоит повторить: вероятно, именно по этой причине франко-американский исследователь затрагивает семью) до наций и государств. Возможно, одной из имплицитных идей антрополога является мысль о коалиции как достижении эволюции человека. Примеры о строящих один муравейник муравьях или о совместно охотящихся хищниках не подойдут — насекомые и менее развитые, чем *Homo sapiens*, млекопитающие, а также птицы, рыбы и рептилии не договариваются, поскольку их ведёт инстинкт. Люди же, даже не осознавая это рационально, при создании и функционировании коалиций используют разум, поскольку приверженность «своим» не инстинкт, а расчёт (с. 70).

Буайе начинает рассуждения о коалициях с психологического эксперимента (в книге приведено их несколько). Эксперимент по образованию случайных групп доказывает, что люди склонны вставать на сторону своего сообщества, даже если им точно известно, что создано оно экспериментаторами и на время. В другом подобном эксперименте антрополог рассматривает механизмы распределения условных благ, похожие на деление настоящих, и приходит к выводу, что делёж происходит не столько по нормам равенства или справедливости, сколько учитывает затрату усилий и иерархию группы.

Группы существуют повсюду, законы их всеобщие. По мнению Буайе, изначальной причиной создания человеческих сообществ была необходимость защищаться, что делать легче в группе, и этот эволюционный механизм разделения на «своих» и «чужих» действует до сих пор. Напоминающие инициацию обряды связаны с тем, что группа придерживается принципов распределения согласно вкладу в общее дело, и новички вызывают интуитивное ощущение «зайцев» в транспорте: получить блага в соответствии с членством в коалиции её недавние участники по идее уже могут, а внести достаточно весомый вклад явно не успеют.

Теория групп распространяется Буайе и на такие сообщества, как нации, и на этнические конфликты. Антрополог полагает, будто представители одного этноса интуитивно рассматривают другую национальность как особей иного биологического вида и часто — как потенциальную угрозу. Подобное объяснение Буайе доказывает тоже экспериментом: участникам требовалось сообщить, что же держит в руках мужчина на картинке — орудие труда или оружие. Нарочно представлялись такие изображения, что выбор ответа зависел от восприятия опрашиваемых, для которых этнически идентичные люди оказались держащими инструмент, в то время как тот же самый предмет у имеющих необычный облик воспринимался как опасное средство нападения. Проведший описанный опыт автор теории социального доминирования профессор психологии из Кембриджа (США) Джим Сиданиус объединил получившиеся факты в «гипотезу о мужчинах из подчинённой группы» (с. 97)⁶. Буайе дополняет предшественника: поскольку испокон веков по высказанным выше анатомическим, а затем и социальным причинам война — прерогатива мужчин, именно мужчины склонны к межгрупповому соперничеству и восприятию мира через призму коалиций, в которых они должны состоять. Женщины же более склонны к межличностному общению (с. 293), и их влияние возрастает в те периоды, когда мирная жизнь выводит на первый план вопросы экологии (с. 290).

Следующей важнейшей темой книги стоит признать информацию — предмет общения и основу объединений *Homo sapiens*. Буайе интересуют прежде всего способы циркулирования информации от человека к человеку — как в процессе обучения, так и простого общения: информация есть коммуникация. Здесь учёный следует своему же правилу: без распознавания нет информации (с. 35), то есть усвоение знаний ребёнком является умением выделить важное в потоке множества впечатлений. Однако если человек способен вычленивать важную информацию из неважной, то почему существует так называемая

⁶ Джим Сиданиус считает именно эту категорию главной целью агрессии, поскольку основные столкновения групп происходят между мужчинами.

мусорная культура (*junk culture*) (с. 136)? Цель эволюции любого вида, и человек здесь не исключение, выжить и при этом по возможности как можно больше размножиться (с. 248–249), а для этого нужно уметь определить угрозу. Таким образом, ошибочная перестраховка из-за недостоверных сведений биологически оправданнее, чем игнорирование ложной тревоги. Например, если власть не вызывает у населения достаточного доверия, государство распознаётся как опасность, и ему полезнее противостоять, чем подчиняться. Систему подобных умозаключений, или взглядов простого неискущённого человека на происходящее в обществе, Буайе называет фолк-социологией⁷, которая не описывает реальность, но полезна как инструмент координации в коалициях. Буайе не призывает к контролю над обществами, потому что на то, как работает фолк-социология, влияют слишком многие факторы: передача традиций, например, происходит как следствие их популярности и престижа, а эти два аспекта могут конкурировать, о чём учёный, впрочем, не пишет. Например, представления харизматического лидера Петра I о том, как отмечать Новый год, отличались от общепринятых среди его подданных, но постепенно заменили старые традиции. Можно упрекнуть франко-американского антрополога в игнорировании им мутаций как фактора эволюции и социальных мутаций как фактора общественных изменений. Иначе говоря, автор рецензируемой книги, рассуждая о движении жизненных форм и развитии социума, всё же не отвечает на вопрос, как появляется новое.

Будучи специалистом по вопросам общества, учёный стремится понять, как оно может быть справедливым. Существует ли общая для всех социальная идея в данной сфере или она меняется от места к месту, так как на неё влияют экономические системы и иные факторы? Буайе почти в самом начале книги заявляет: идеалы по-разному понимаются в современном западном социуме, в аграрных традиционных обществах и в первобытного типа группах охотников-собирателей (с. 30). Конечно, существуют общие интуитивные представления в природе человека, свойственные даже детям, но это не уровень политических институтов, должных поддерживать порядок в обществе. Упомянув Жан-Жака Руссо в качестве первого заинтересовавшегося социальной справедливостью и затем упрекнув социологов в том, что они «ненаучно» опирались на представления философов, Буайе далее обращается к излюбленной теме эволюционного развития человеческой психики. Подобно Евгению Онегину, антрополог положительно относится к Адаму Смиту, правда, потому что английский пионер наук об обществе заговорил о важности эмпатии. Однако Буайе понимает её более рационально, чем Адам Смит, и полагает основой кооперации, а кооперация — это разновидность коалиции. Возникновение коалиций в ходе добычи пищи в наиболее примитивных обществах и стало основой дальнейших более сложных экономических построений. Безусловно, нельзя оставлять кого-то без какого-либо ресурса вообще, но пропорциональное разделение не единственно верное и возможное. Подобные представления — о добровольности сделок, согласии на эквивалент обмена, характере распределения (с. 377–378) — древние и интуитивные, но распространяются даже на позднейшие современные политические меры, такие как прогрессивное налогообложение или установление предельного дохода (с. 380). Парадоксальным образом к процветанию ведёт не такая буквально понимаемая «справедливость», а всё большее и большее вовлечение различных наций в международный рынок (с. 382–383).

Хотя торговля как таковая существует несколько тысячелетий, а глобальная — со времён Промышленной революции, древнюю психологию обмена расширение его масштабов радикально не изменило, поэтому большинство понимает рынки в рамках возникшего в ходе эволюции социального шаблона. Отсюда происходят и «популярные» концепции справедливости, которые Буайе называет фолк-экономикой или «народными» экономическими представлениями (с. 365). Несмотря на вопиющую ненаучность, они крайне важны для политики, так как помогают понять электорат. Одна из таких идей — об общей ограниченности богатств человечества. Согласно данному стереотипу мышления если одни люди или группы, в том числе страны, получают больший доход, другие автоматически

⁷ Термин антрополога Лоуренса Хиршфелда означает обыденное знание о социальном мире.

беднеют (с. 366–367). Ещё одна «народная» концепция касается ценообразования. Игнорируя сложные экономические факторы, обычный избиратель считает, что стоимость товара на рынке безоговорочно диктует его наиболее крупный производитель (с. 367). Однако столь простые представления определяются не только доверием к прессе или эгоизмом. Значительную ответственность несёт эволюция мозга в ходе древних межгрупповых взаимодействий, влияющая и на тот факт, что и поставщики, и покупатели предпочитают работать с уже знакомыми организациями (с. 372). Отсюда же проистекает большее внимание к менее крупной фирме при равенстве цен, поскольку мозгу она напоминает меж- или даже внутриплеменной обмен с теми, с кем есть личный контакт (с. 373). Парадокс торговли разрешается следующим образом: её создали интуитивные идеи справедливости, но затем между «отцами» и «детьми» возникли логические противоречия (с. 387). Произошло это потому, что когнитивные инструменты, которыми человек пользуется для понимания современной сложной экономики, были предназначены для объяснения взаимодействий в малых масштабах. Другая проблема заключается в конфликте между разными наборами интуитивных предпочтений: пока что мозг людей не развился до того уровня, который позволил бы судить о справедливости абсолютно определённо. Следовательно, бессмысленно упрекать основную массу *Homo sapiens* в непонимании непопулярных правительственных мер.

Критика и заключение

Главные выводы книги проистекают из отношения её автора к эволюции и информации. Культура является лишь частью обеих, как и свойства коммуникации — ещё одной основной темы исследования. Но все они — эволюция, информация, коммуникация — имеют отношение к развитию разума, а он, в свою очередь, выстраивает коллективы с различными временными и пространственными характеристиками, то есть формирует общества. Таким образом, человек — вид не только мыслящий, но и прежде всего социальный.

Любое общество поддерживается традициями и, как ни странно, конфликтами. Внешняя борьба, будь то война между странами или противоборство компаний в небольшом городке, сплачивает его. Внутренние противоречия могут как изменить структуру социума, так и укрепить существующую. Теория двойной наследственности, или биокультурной эволюции, согласно Буайе, описывает передачу информационных концептов, но лишь частично, поскольку, кроме подражания, происходит постоянная корректировка передаваемых сигналов, и одни стереотипы накладываются на другие, но всё это лежит в глубинных слоях психики. Например, подсознательное восприятие участников других сообществ как представителей иных биологических видов усиливает конкуренцию, похожую на борьбу за пищевые ресурсы в биоценозе. Отсюда групповые конфликты — один из основных двигателей истории. Иначе говоря, получается подобие замкнутого круга: законы эволюции определяют мышление общества, но во многих его сферах, в том числе в экономике, не успевают за темпами современного развития. поэтому массовые представления, которые франко-американский исследователь характеризует словом «фолк», кажутся специалистам столь нелепыми. И так, биологические и общественные особенности *Homo sapiens* одновременно заставляют его заботиться о социальном и ограничивают в постижении нового.

Таким образом, отношение Буайе к социуму нельзя назвать однозначным. Трактую общество как продукт эволюции, он как будто проводит аналогию между его появлением и двумя предыдущими великими случайностями — возникновением Вселенной в результате Большого взрыва и зарождением жизни на Земле. Эти последние два процесса не только спонтанны, но и не наблюдаемы, однако все они составляют своего рода триаду «неживая природа — живая природа — ноосфера», ненамеренно подтверждая гипотезу В. И. Вернадского [Вернадский 1991]. Эта догадка впечатляет, даже если остаётся лишь читательской идеей, так как Буайе Вернадского не упоминает. Впрочем, разве это минус? Воз-

возможность предполагать, развивать идеи автора дальше — лучшее, что может предложить нон-фикшн любому, кто обращается к изданиям данного жанра. К тому же листать «Анатомию человеческих сообществ» просто интересно, потому что разнообразие фактов вызывает желание обратиться ко многим первоисточникам, откуда они позаимствованы. Нередко с автором хочется поспорить, но дискуссионность — не недостаток для научной литературы.

Заместитель главного редактора журнала «Эксперт Юг» (Ростов-на-Дону) Николай Проценко, справедливо замечая, что издание представляет собой, скорее, компиляцию, главным недостатком считает даже не подобную бессодержательность, а, помимо уже обозначенной выше попытки стереть одну из фундаментальных философских оппозиций, отрицание концепций Дж. Локка и Ж. Ж. Руссо [Проценко 2019]. Эти философы дали одно из первых материалистических объяснений социальных процессов. Иначе говоря, Проценко упрекает и франко-американского учёного в идеализме. И даже если понимать идеализм не как учение, противопоставленное в том числе марксизму, ибо в этом последнем бытие определяет сознание, а не наоборот, то с точки зрения той же фолк-, но не социологии, а науки в целом, Буайе уж точно идеалист [Проценко 2019], ибо хочет постичь наиболее фундаментальные установки социума, но отрицание разделения природы и культуры — то, в чём в первую очередь отечественный публицист упрекает зарубежного исследователя, — мешает отделить общества, созданные человеком, от сформированных эволюцией групп животных.

Существуют и другие работы, которые критически рассматривают книгу «Анатомия человеческих сообществ», причём в обратном Проценко ключе: по мнению журналиста информационного агентства Regnum Дмитрия Буянова, антрополог выступает с пафосом, характерным для материалистов XVIII века. Упрёк на этот раз — в узком эволюционизме. Отмечая наличие интересных наблюдений, рецензент критикует утверждение Буайе, что целостная психика — иллюзия, а поведение определяется случайной суммой доставшихся от эволюции не обязательно согласованных импульсов. В итоге он сравнивает рассмотрение человека Буайе с притчей о слоне и слепых, которые трогают разные части тела слона и в результате описывают его по-разному [Буянов 2020]. Зарубежные рецензенты не столь критичны к рассматриваемому труду: Симон Лавуа характеризует его сдержанно нейтрально, акцентируя когнитивистику и отрицание роли религии [Lavoie 2019], а Гевни Парк фактически просто пересказывает книгу, обращая внимание на социальную составляющую — роль групп и когнитивных процессов и оценивая религию как адаптивный фактор [Park 2019].

Отсюда вывод: предметом исследования Буайе является человек общественный, что, по всей видимости, и есть авторская версия не только содержания, но и направленности эволюции *Homo sapiens*. Важность книги для информационного общества состоит в том, что её автор пытается рассмотреть мышление на основании теории эволюции. Пусть упрёки в намерении построить «общую теорию всего» в адрес Буайе довольно справедливы, но, чтобы его стремление не оказалось лишённым содержания, следует многое постичь в плане как фактов, так и их интерпретаций. Да, «святой троицей» системы Буайе являются эволюция, коалиция и информация, но кто сказал, что для социума они не важны?

Литература

Буайе П. 2019. *Анатомия человеческих сообществ. Как сознание определяет наше бытие*. М.: Альпина нон-фикшн.

Буянов Д. 2020. Наука о человеке: от поиска освобождения — к оправданию несвободы. *Regnum*. 24 мая. URL: <https://regnum.ru/news/society/2960059.html>

Вернадский В. И. 1991. *Научная мысль как планетное явление*. М.: Наука.

Докинз Р. 2013. *Эгоистичный ген*. М.: АСТ; CORPUS.

Квятковский А. П. 1966. Остраннение. В кн.: Квятковский А.П. *Поэтический словарь*. М.: Советская энциклопедия; 188–189.

Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В. И. 1984. *О диалектическом и историческом материализме*. М.: Политиздат.

Проценко Н. 2019. Теория несуществующего всего: почему Паскаль Буайе так переоценен. *Горький*. 18 декабря. URL: <https://gorky-media.turbopages.org/s/gorky.media/reviews/teoriya-nesushhestvuyushhego-vsego-pochemu-paskal-buaje-tak-pereotsenen/>

Хохлов А. А. 2018. Паскаль Буайе о природе религиозного мышления. Рецензия на монографию: Буайе П. *Объясняя религию. Природа религиозного мышления*. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 496 с. *Христианское чтение*. 1: 250–255.

Шабанов Д. А. et al. 2014. Внутрипопуляционные онтогенетические стратегии скороспелости и тугорослости: определение на примере бесхвостых амфибий. *Вестник Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина. Серия «Биология»*. 22 (1126): 115–124.

Энгельс Ф. 2020. *Происхождение семьи, частной собственности и государства*. СПб.: Азбука.

Dawkins R. 1976. *The Selfish Gene*. New York: Oxford University Press.

Griffiths P. J. 2002. Religion Explained: The Evolutionary Origins of Religious Thought (Faith Seeking Explanation). *First Things: A Monthly Journal of Religion and Public Life*. January: 53–57.

Lavoie S. 2019. Minds Make Societies: How Cognition Explains the World Humans Create by Pascal Boyer. *Anthropologica*. 61 (2): 366–367.

Park G. 2019. Minds Make Societies: How Cognition Explains the World Humans Create. *Perspectives on Science and Christian Faith*. 71 (3): 195–199.

Alexander Subbotin

Homo Sapiens Socialis

Book Review: Boyer P. (2019) *Anatomiya chelovecheskikh soobshchestv. Kak soznanie opredelyaet nashe bytie* [Minds Make Societies: How Cognition Explains the World Humans Create], Moscow: Alpina non-fiction (in Russian). 436 p.

SUBBOTIN, Alexander — Postgraduate student at the Demography Department of Higher School of Contemporary Social Sciences, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; Guest researcher at the Laboratory of Digital and Computational Demography, Max Planck Institute for Demographic Research, Rostock, Germany. Address: 119234, Leninskie Gory Str., 1–13A, Moscow, Russian Federation.

Email: aasubbotin@yahoo.com

Abstract

Homo sapiens is the greatest mystery of science. The main property of this biological species is the mind, but what are the laws of consciousness and how does ignorance of these laws hinder the development of ideas about various spheres of functioning of society? These and other relevant issues of cognitive science are tackled in the book *Minds Make Societies: How Cognition Explains the World Humans Create* by Pascal Boyer, a professor at the University of Washington. This work is reviewed so that potential readers can understand how convincing the author is in solving the tasks he sets—the problems of a new science, the foundations of which he intends to lay. The French-American evolutionary psychologist poses six questions: What is the basis of intergroup conflicts? Why do we need information? Why do religions exist? What is natural family? How can society be fair? Can our minds comprehend society? In answering these questions, Boyer uses a variety of facts from various disciplines of natural science and humanities. The scholar seeks to show and refute the

prejudices of many prevailing concepts, for example, the traditional opposition between nature and culture, which has dominated for several centuries. The anthropologist provides a lot of fascinating data, including from personal field experience, and does so using simple language. However, in the end, most hypotheses are explained by human evolution and the need for groups to simultaneously consolidate within themselves and resist other communities. The book could be useful to anyone interested in anthropology and the structure of society, as well as laws of thought.

Keywords: coalitions; evolution; religion; family; ethnography; anthropology; nations; groups; cooperation; market; Homo sapiens.

References

- Boyer P. (2019) *Anatomiya chelovecheskikh soobshchestv. Kak soznanie opredelyaet nashe bytie* [Minds Make Societies: How Cognition Explains the World Humans Create], Moscow: Alpina non-fiction (in Russian).
- Buyanov D. (2020) Nauka o cheloveke: ot poiska osvobozhdeniya — k opravdaniyu nesvobody [The Science of a Person: From the Search for Liberation to the Justification of Unfreedom]. *Regnum*, 24 May. Available at: <https://regnum.ru/news/society/2960059.html> (accessed 22 June 2020) (in Russian).
- Dawkins R. (1976) *The Selfish Gene*, New York: Oxford University Press.
- Dawkins R. (2013) *Egoistichnyy gen* [The Selfish Gene], Moscow: AST; CORPUS (in Russian).
- Engels F. (2020) *Proiskhozhdenie sem'i, chastnoy sobstvennosti i gosudarstva* [The Origin of the Family, Private Property, and the State], Saint-Petersburg: Azbuka (in Russian).

- Griffiths P. J. (2002) Religion Explained: The Evolutionary Origins of Religious Thought (Faith Seeking Explanation). *First Things: A Monthly Journal of Religion and Public Life*, January, pp. 53–57.
- Khokhlov A. A. (2018) Paskal' Buaje o prirode religioznogo myshleniya. Retsenziya na monografiyu: Buaje P. Ob'yasnyaya religiyu. Priroda religioznogo myshleniya. M.: Al'pina non-fikshn, 2017. 496 s. [Pascal Boyer about the Nature of Religious Thought. Review of the Monograph: Boyer P. Explaining Religion. The Nature of Religious Thinking. Moscow: Alpina non-fiction, 2017. 496 p.]. *Khristianskoe chtenie = Christian Reading*, no 1, pp. 250–255 (in Russian).
- Kvyatkovsky A. P. (1966) Ostrannenie [Ostrannenie]. *Poeticheskiy slovar'* [Poetical Dictionary], Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, pp. 188–189 (in Russian).
- Lavoie S. (2019) Minds Make Societies: How Cognition Explains the World Humans Create by Pascal Boyer. *Anthropologica*, vol. 61, no 2, pp. 366–367.
- Marx K., Engels F., Lenin V. I. (1984) *O dialekticheskom i istoricheskom materializme* [Dialectical and Historical Materialism], Moscow: Politizdat (in Russian).
- Park G. (2019) Minds Make Societies: How Cognition Explains the World Humans Create. *Perspectives on Science and Christian Faith*, vol. 71, no 3, pp. 195–199.
- Protsenko N. (2019) Teoriya nesushchestvuyushchego vsego: pochemu Paskal' Buaje tak pereotsenen [The Theory of Nonexistent Everything: Why Pascal Boyer is so Overrated]. *Nekommercheskiy proekt o knigah i chtenii «Gor'kiy»* [Gorky Non-Profit Project about Books and Reading], 18 December. Available at: <https://gorky-media.turbopages.org/s/gorky.media/reviews/teoriya-nesushchestvuyushchego-vsego-pochemu-paskal-buaje-tak-pereotsenen/> (accessed 22 June 2020) (in Russian).
- Shabanov D. A., Korshunov A. V., Kravchenko M. A., Meleshko E. V., Shabanova A. V., Usova E. E. (2014) Vnutripopulyatsionnye ontogeneticheskie strategii skorospelosti i tugoroslosti: opredelenie na primere beskhvostykh amfibi [The Intrapopulation Developmental Strategies of Precocity and Stuntedness: Determination by the Example of Anurans]. *The Journal of V. N. Karazin Kharkiv National University. Series: Biology*, vol. 22, no 1126, pp. 115–124 (in Russian).
- Vernadsky V. I. (1991) Nauchnaya mysl' kak planetnoe yavlenie [Scientific Thought as a Planetary Phenomenon]. Moscow: Nauka (in Russian).

Received: July 8, 2020

Citation: Subbotin A. (2020) Homo Sapiens Socialis [Homo Sapiens Socialis. Book review: Boyer P. (2019) *Anatomiya chelovecheskikh soobshchestv. Kak soznanie opredelyaet nashe bytie* [Minds Make Societies: How Cognition Explains the World Humans Create], Moscow: Alpina non-fiction (in Russian). 436 p.], *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 21, no 4, pp. 139–149. doi: [10.17323/1726-3247-2020-4-139-149](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2020-4-139-149) (in Russian).